

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И СЕТЕВЫЕ СМИ В СРЕДНЕАЗИАТСКИХ СТРАНАХ: ОТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДО ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

Д. М. Салимов

Салимов Диловар Мирзомуддинович, Санкт-Петербургский государственный университет. 1-я линия В.О., 26, Санкт-Петербург, 199004, Россия.
E-mail: dilov.salim@mail.ru. ORCID 0000-0002-6697-0902

Аннотация. В статье рассматривается роль сетевых СМИ в контексте обеспечения легитимации публичной политики в Таджикистане и Узбекистане. Определяются коммуникационные факторы публичной политики, выступающие механизмом адаптации политической системы к социальной среде и являющиеся принципиально важным условием осуществления современных управленческих процессов. Анализируется процесс формирования сетевых СМИ, сетевого сообщества и их влияние на ход политического управления в этих странах. Предлагается анализ ряда политически важных документов и процесс их легитимации как следствие публичного дискурса в сетевых СМИ, тем самым выявляются механизмы горизонтального и вертикального контроля над сетевыми СМИ, проявляющегося в применении как правовых, так и неправовых методов урегулирования информационных потоков в этих странах. Концептуальной основой исследования является научное представление о том, что в среднеазиатских государствах важным фактором становится обоснованность политики режимов, для устойчивости которых необходимы механизмы информационного воздействия власти на субъекты публичной политики и модели политического позиционирования сетевых СМИ. В условиях Узбекистана и Таджикистана этот процесс происходит одновременно с формированием концепции идеологического объединения власти и сетевых СМИ, основанной на публичном обсуждении значимых для общества вопросов для нахождения путей их решений в целях стабилизации общественной и политической ситуации в этих странах. При этом учитывается и то, что функционирование сетевых СМИ как в Таджикистане, так и в Узбекистане определяется законодательством этих стран, что увеличивает вероятность их попадания в сферу влияния системы цензуры и контроля. Это проявляется в том, что и таджикская, и узбекская власти предлагают такую модель взаимоотношения с сетевыми СМИ, которая обеспечивала бы появление публичного пространства при сохранении прямого (вертикального) и косвенного (горизонтального) контроля, способствующего формированию такого информационного пространства, где все правила диктуются действующими режимами.

Ключевые слова: сетевые СМИ, горизонтальный контроль, вертикальный контроль, публичная политика, сетевое общество, государственное управление, политический режим, политическая цензура, информационная безопасность.

Введение

Компаративный анализ публичной политики национальных государств актуален как с практической, так и с теоретической точки зрения. В условиях Таджикистана и Узбекистана это объясняется, с одной стороны, ростом интереса субъектов нового империализма к ним на фоне событий, происходящих на Ближнем и Дальнем Востоке, с другой — развитием транснациональных сетевых СМИ за рубежом, формирующих отрицательную картину узбекской и таджикской власти. Вектор развития среднеазиатских стран является показателем того, что идея глобализации — это лишь идеологическое прикрытие субъектов нового империализма. Особенность нового империализма заключается в том, что её субъекты,

помимо экономических, политических и религиозных факторов, главный акцент делают на онлайн-средства воздействия. В этом отношении национальные государства вынуждены применять любые благоприятные условия для сохранения устойчивости в условиях политической турбулентности. Данное обстоятельство значительно актуализирует вопрос о разработке такой модели функционирования сетевых СМИ, которая способствовала бы созданию соответствующего этим государствам публичного пространства.

Вопрос о публичной политике и сетевых СМИ на региональном уровне рассматривается через призму религии и информационной безопасности. Согласно первой позиции задача сохранения устойчивости политических режимов и предотвращения исламского экстремизма и терроризма актуализирует вопрос о наличии цензуры и контроля над сетевыми СМИ, которые могут стать инструментом воздействия в руках представителей исламского фундаментализма¹.

Сторонники второй позиции исходят из наличия неустойчивости стратегии информационной безопасности в национальных государствах². Здесь сетевые СМИ рассматриваются в качестве инструмента идеологического воздействия в руках как самих среднеазиатских стран в целях легитимации публичной политики, так и субъектов нового империализма для реализации своих геополитических интересов в регионе (Мукимов, 2017; Мукимов, 2019; Мукимов, 2006, Салимов, 2023, Хасанов, 2017).

Относительно новый подход к исследуемому явлению можно наблюдать в работах западных исследователей (Jansen, 1991; Merrett, 2007; Osman, 2019; Driscoll, 2012), рассматривающих вопрос не только о развитии СМИ в условиях глобализации, но и о формировании системы цензуры, выступающей залогом эффективной публичной политики стран региона. В них положение сетевых СМИ в контексте легитимации публичной политики является концептуальным основанием для определения особенностей политического режима в этих странах, его демократического или авторитарного характера.

Отправным концептуальным основанием данного исследования является научное представление о том, что в условиях среднеазиатских стран наиболее динамично развивающимся видом коммуникации выступает сетевая политическая коммуникация, способствующая формированию принципиально новых форм влияния на субъекты публичной политики. Кроме того, необходимость механизмов обеспечения обоснованности политики не оставляет у национальных государств выбора, кроме как применять любые благоприятные условия для сохранения устойчивости режима и разработать такую модель политического позиционирования сетевых СМИ, которая обеспечила бы легитимацию публичной политики в этих странах. В условиях Узбекистана и Таджикистана этот процесс происходит одновременно с формированием концепции идеологического объединения власти и сетевых СМИ, основанной на публичном обсуждении зна-

¹ Анализ СМИ и социальных медиа по свободе вероисповедания и насильственному экстремизму в Центральной Азии: кейсы Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. Режим доступа https://www.sfcg.org/wp-content/uploads/2021/01/Mass_media_and_social_media_analysis_on_religious_freedom_and_violent_extremism_in_Central_Asia-RU.pdf

² Турдубаева, Э. Состояние СМИ и роль социальных сетей в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. Режим доступа <https://school.cabar.asia/wp-content/uploads/2019/06/iwpr-status-of-independent-media-ka-ky-taj-uzoct-18-rus.pdf>

чимых для общества вопросов и поиске путей их решения в целях стабилизации общественной и политической ситуации в рассматриваемых странах. При этом учитывается и то, что функционирование сетевых СМИ определяется законодательством указанных стран, что увеличивает вероятность их попадания в сферу влияния горизонтального и вертикального контроля.

Модели функционирования СМИ и публичное управление.

Одним из важных факторов, определяющих характеристики политического режима, являются методы и способы осуществления публичной политики. Это объясняется тем, что параметры процесса публичной политики существенно влияют на ключевые характеристики функционирования общества, его стабильность и успешность в целом. Обеспечивая адаптацию политической системы к социальной среде, публичная политика создает формат поведения субъектов политики, в том числе и с учетом включения в этот процесс медийных ресурсов. Поэтому наряду с другими факторами коммуникационная основа публичной политики становится принципиально важным условием осуществления любых управленческих процессов.

Публичная политика осуществляется в интересах граждан и предполагает общественное участие в процессе принятия решений. Важным фактором публичной политики и публичного управления является публичность. Индикаторами публичности служат прозрачность деятельности власти, диалогичность взаимодействия политических акторов, открытый характер политического процесса, конкурентность политического поля. Одним из важных институтов этой публичности становятся сетевые СМИ, обеспечивающие информационные контакты и информационные обмены между всеми субъектами политической системы (Сивякова, 2009).

Современная политическая реальность требует непрерывного контакта государства с обществом. Сетевые СМИ как раз и есть то пространство, где образуется этот контакт. По сути, они становятся зоной взаимодействия / партнёрства общества и государства, а это именно то, что лежит в основе политического управления демократических режимов. Как указывает Дж. Куймен, здесь политическое управление, выступает как «образец или структура, которая возникает в социально-политической системе как “общий” результат и итог взаимосвязанных усилий всех акторов, включенных в процесс управления. Этот образец не может быть сведен к одному актору или отдельной группе акторов, он включает в себя всех участников публичного пространства» (Kooiman, 1993).

Наличие подобного рода взаимодействия / партнёрства позволяет обществу более эффективно следить за действиями своих правительств, чем правительства за действиями общества. По мнению С.Л. Володенкова, основной моделью этого взаимодействия становится субъектно-субъектная модель общественно-политических отношений, предполагающая, что вопросы постановки цели попадают в компетенцию не только традиционных субъектов управления (органов государственной власти), но и структур гражданского общества. В итоге публичная политика становится процессом субъектно-субъектного информационно-коммуникационного взаимодействия участников управленческих отношений по поводу выработки общих целей и стратегий их достижения (Володенков, 2015).

Суть взаимодействия / партнёрства подобного рода заключается в том, что общество должно быть частью управленческого процесса. Подобное общество

Н. Луман называет «обществом без центра» (Луман, 2006), где сформированное в СМИ общественное мнение становится определяющим и в политическом управлении, и при разработке политического курса. На этой основе Дж. Н. Розенау рассматривает политическое управление как «деятельность, опирающуюся на общие, совместные цели». В результате оно становится «более всеохватывающим феноменом», подразумевая участие в нем не только государственных структур, но и «неформальных и негосударственных механизмов управления, к которым можно отнести и СМИ».

Конфигурация отношений государства и общества также рассматривается в рамках концепции «доказательной политики», предполагающей обращение к населению на основе экспертных и научных рекомендаций при разработке целей, позволяющих людям не только судить об их правомерности, но и оспаривать, корректировать их содержание, в том числе и в медийном пространстве (Соловьев, 2021). Данное обстоятельство позволяет СМИ стать своеобразным механизмом не только легитимации действий власти, но и «лицом» общества при публичном обсуждении значимых для него вопросов. Этим они выполняют две главные задачи: обеспечить контакт между обществом и государством и устранить социальную напряжённость. Таким образом, СМИ «делают возможной массовую демократию», а созданные ими пространства взаимодействия / партнерства становятся определяющими в контексте принятия политических решений. То есть они выступают «соединительной тканью демократии» и ключевым механизмом осуществления современного политического управления (Dumitrescu, Mughra, 2010).

Эту идею развивает и Дж. Ролза, считающий современную демократию той формой политического правления, при которой политический разум должен исходить из принципа предпочтений, выраженных делиберативным общественным мнением. Конечный результат такого взаимодействия — консенсус между государством и обществом при принятии политических решений и разработке политического курса в целом (Green, 2016).

Таким образом, в современном мире сетевые СМИ становятся важным параметром публичной политики и связывающим звеном интереса общества и государства, а это именно то, что отражает суть публичного пространства, где создаются, распространяются и оспариваются социальные и политические смыслы. Эффективность взаимодействия / партнёрства между государством и обществом значительным образом определяет демократичность или авторитарность политического режима. В этом контексте, согласно мнению профессора Л. В. Сморгунова, форма политического пространства, которая учитывает и сложившееся мнение общества, становится площадкой не столько соприкосновения государства и общества, сколько взаимодействия институализированных центров власти с (мало организованными) гражданскими структурами.

Следует подчеркнуть, что в условиях среднеазиатских стран сетевые СМИ выступают не только связующим звеном интересов государства и общества, но и зачастую механизмом легитимации действий власти и фактором стабильности политических режимов. Данное обстоятельство стало концептуальным основанием для рассмотрения сетевых СМИ в условиях среднеазиатских стран не как меняющегося фактора направления управленческого процесса, а как механизма легитимации действий власти и инструмента манипулирования общественным мнением.

Публичная политика и сетевые СМИ: взаимодействия и партнёрства

Формирование механизмов легитимации публичной политики в среднеазиатских странах происходит параллельно с формированием такой модели взаимоотношения, которая требует наличия взаимодействия / партнерства между ними и сетевыми СМИ. Это проявляется в их взаимодействии / партнерстве в контексте решения существующих вопросов с учетом их публичного обсуждения. В этом контексте под идеологическим взаимодействием государства и сетевых СМИ следует понимать их идеологическое объединение, основанное на публичном дискурсе определенно значимых для общества вопросов в целях достижения или принятия решений, ориентированных на стабилизацию общественно-политической жизни и сохранение их целостности. При этом публичное обсуждение существующих вопросов в сетевых СМИ должно быть основанием для принятия решения, а не фактором прислушивания к мнению публики.

Взаимодействие сетевых СМИ и государства в Таджикистане можно анализировать через призму политики поддержания мира как легитимного порядка. Это во многом объясняется тем, что после гражданской войны разработанная таджикской властью медийная стратегия была ориентирована на легитимацию общественного легитимного порядка, в том числе и с учетом создания пространства для публичного оспаривания существующих вопросов. По этому принципу в республике был принят ряд законов: «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в РТ» (2007 г.), «О воинской обязанности и военной службе» (2021 г.) и «О периодической печати и других средствах массовой информации» (2013 г.). Анализ материалов СМИ демонстрирует следующие позиционирования в публичном пространстве.

1. *Власть — сетевые СМИ — общество.* Здесь инициатором принятия законов выступают государственные традиционные сетевые СМИ («Республика», «Трибуна народа», «ИА Ховар»). Помимо государственных служащих, участниками дискурса в подобных СМИ также оказались представители гражданского общества и таджикской интеллигенции, чье позиционирование проистекает из доминирующей идеологии. Главная цель этого дискурса — принять соответствующие меры для снижения уровня бедности, улучшения жизни военнослужащих и положения таджикских СМИ. Наиболее активными оказались электронные государственные СМИ, имеющие собственные интернет-сайты и распространяющие свои материалы в социальных сетях. Яркий пример — проведённый «ТВ Тоҷикистон» опрос среди населения под названием «Свободный микрофон», где большинство из опрошенных единогласно поддержали решение о принятии Закона «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в РТ» и Закон РТ «О периодической печати и других средствах массовой информации».

2. *Независимые сетевые СМИ — гражданское общество — власть.* Здесь позиционирование сетевых СМИ приобретает двойственный характер. С одной стороны, можно говорить о наличии таких СМИ, которые оказались механизмом, подталкивающим власть к определенному действию, с другой — о функционировании СМИ, чье позиционирование проистекало из идеологии самой власти. В обоих случаях главный акцент делается на гражданское общество, выступающее активным участником этого дискурса.

В целом созданное независимыми сетевыми СМИ публичное пространство стало определяющим в контексте принятия данных законов. Созданное ими

публичное пространство воспринимается как наличие свободы слова, и возможность гражданского общества участвовать в процессе публичного оспаривания существующих проблем. Однако в отличие от государственных СМИ, признавая полезность этих решений, они рассматривали и вероятность ухудшения отношений власти и оппозиции в случае принятия отдельных законов. Так, в мае 2007 г. ИА «Avesta» опубликовало статью под названием «Традиционный порядок», где обсуждалось позиционирование представителей власти и оппозиции относительно принятия Закона «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в РТ». Согласно первой позиции, данное решение было предложено гражданским обществом, и сам закон не включал элементы запрета или устранения народных традиций и религиозных обрядов. Напротив, он ориентировался на установление правила проведения обрядов и избавление населения страны от показухи, фанатизма и суеверия. Аналогичное позиционирование можно было наблюдать в процессе принятия Закона РТ «О периодической печати и других средствах массовой информации» в 2013 г., где независимые сетевые СМИ указывали на искусственное позиционирование власти относительно прозрачности данного дискурса.

3. *Глобальные сетевые СМИ — таджикская оппозиция и таджикская власть.* Активизацию таджикской оппозиции в онлайн-пространстве с учетом применения социальных сетей можно считать новым вызовом установленной системе режима и контроля над СМИ в Таджикистане. Для них характерно в основном критическое позиционирование по отношению к любому решению власти. Они отличаются неконтролируемостью и принадлежностью различным группам людей, неодинаково относящихся к действующему политическому режиму. Среди них наиболее статусными являются Instagram*, Facebook*³ и Youtube. Их можно разделить на две группы.

Первая группа глобальных сетевых СМИ, принадлежащая отечественным журналистам и представителям гражданского общества, позиционирует себя как оппозиция. Самым статусным среди них является Facebook*, страницы «Информация для размышления» (организатор — журналист Р. Мирзо) ежедневно распространяют материалы, касающиеся положения политической жизни страны. Предоставляя широкому кругу общества принимать участие в публичном дискурсе, подобные аккаунты становятся источником «идеи» для действия власти. Яркий пример этому — публичное обсуждение ситуации с Ш. Мирзоевым, который был покалечен в армии, вследствие чего ему была оказана помощь со стороны руководства Минобороны страны.

Вторая группа глобальных сетевых СМИ принадлежит таджикской оппозиции, которая находится за рубежом. Их позиционирование в социальных сетях по отношению к перечисленным законам противоречит позиции действующей власти. К ним можно отнести Национальный альянс Таджикистана (НАТ), в состав которого вошли представители запрещенных в стране движений: ПИВТ (запрещенная партия на территории России и Таджикистана), Конгресс свободомыслящих Таджикистана, Реформа и развитие Таджикистана, и Конгресс мигрантов Центральной Азии. Идеология всех указанных движений и их отношение к решениям таджикской власти представлены как на их официальных сайтах, так и в со-

³ Facebook, Instagram — социальные сети, принадлежащие компании Meta — экстремистской организации, деятельность которой запрещена в России

циальных сетях, что отрицательно влияет на представления людей, имеющих к ним доступ. Самой популярной сетью среди них является Youtube-канал «isloh.net», создающий онлайн-площадку для обсуждения существующих проблем. К ним также можно отнести многочисленные аккаунты членов НАТ, которые интерпретировали принятие Закона РТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в РТ» в 2007 г. как ограничение религиозных прав в стране.

В условиях Узбекистана взаимодействие /партнёрство между сетевыми СМИ и властью происходит по тем же принципам, что и в Таджикистане. Это можно было наблюдать накануне конституционных реформ в 2022 и 2023 гг. Как и в Таджикистане, здесь отмечались следующие позиционирования в публичном пространстве.

1. *Власть — государственные сетевые СМИ — гражданское общество.* Данная формула указывает на наличие консенсуса между властью, СМИ и обществом относительно внесенных изменений в конституцию страны. Так, например, до принятия законопроекта в таких СМИ как «Народное слово», «Правда Востока» и «Национальное информационное агентство Узбекистана», были опубликованы многочисленные публикации, убеждающие общество в необходимости данной реформы. Главная цель подобных публикаций — донести до общества наличие того факта, что в стране необходимы конституционные реформы, направленные на укрепление демократии, защиту основных прав человека и создание более инклюзивного общества, в котором все имеют равные права и возможности. В частности, в апреле 2023 г. информационное агентство УзА опубликовало материал под названием «Конституционная реформа в Узбекистане: взгляд зарубежных экспертов и СМИ»⁴, где отмечалось, что новая власть концептуализировала Новый Узбекистан, который должен стать социальным государством, в первую очередь заботящимся о правах и достоинстве своего народа. Этому способствуют прежде всего конституционные реформы на основе демократических принципов.

Помимо сетевых государственных СМИ, существуют многочисленные государственные интернет-порталы, выдвигающие идею о необходимости конституционных реформ. Так, по инициативе Сенат Олий Мажлиса РУ в 2022 г. появился интернет-портал «Это моя конституция», позволяющий гражданам направлять в парламент страны в электронном виде предложения и рекомендации по конституционным реформам. Ещё до начала конституционных реформ 2022 г. на портале было опубликовано, что «сегодняшний стремительно меняющийся период требует от нас решительных действий и изменений, соответствующих современным реалиям, в частности, гармонизация действующей Конституции путем подготовки нового проекта Основного закона, вынесение его на всенародное обсуждение и совершенствование на основе высказываемых предложений»⁵.

2. *Независимые сетевые СМИ и гражданское общество.* Если в первом случае гражданское общество выступило искусственным механизмом, зарождающим идею о конституционных реформах, то его позиционирование посредством

⁴ Конституционная реформа в Узбекистане: взгляд зарубежных экспертов и СМИ. Режим доступа https://uza.uz/ru/posts/konstitucionnaya-reforma-v-uzbekistane-vzglyad-zarubezhnyh-ekspertov-i-smi_473718

⁵ «Это моя Конституция» — на специальном веб-портале каждый может проявить свою гражданскую позицию госзначения (2022, 27 мая). *Правда Востока*. Режим доступа <https://yuz.uz/ru/news/eto-moya-konstitutsiya---na-spetsialnom-veb-portale-kajdy-mojet-proyavit-svoyu-grajdanskuyu-pozitsiyu-gosznacheniya>

независимых СМИ («Даракчи, Мохият», «Uzbekistan.online.de», интернет-газета «UzMetronom.com») приобретает относительно нейтральный характер. Обсуждение о конституционных реформах в независимых сетевых СМИ началось в 2016 г. после прихода к власти Ш. Мирзиёева, так как предыдущие законы, касающиеся прав человека и свободы слова, имели ярко авторитарный характер. Однако после объявления властью о начале конституционных реформ их материалы приобрели критический характер, указывающий на вероятность повторного сценария при первом президенте страны. Так, например, в январе 2023 г. независимая интернет-газета «UzMetronom.com» в статье «Всё во имя человека, для блага человека», писала, что, хотя конституционная реформа инициирована обществом, но «всенародное голосование проводится исключительно по инициативе самой власти, ради ее интересов и под жесточайшим контролем. Например, референдум стал удобным инструментом для продления полномочий глав государств...»⁶.

В целом созданное независимыми сетевыми СМИ онлайн-пространство, с одной стороны, оказалось механизмом, подталкивающим власть к определенному действию, с другой — зоной столкновения интересов участников данного дискурса, чье позиционирование не соответствует доминирующей идеологии. Это проявляется не только в публикации подобного характера, но и их участия в региональных и международных дискурсах, посвященных конституционным реформам в стране. Этому яркий пример проведенная 18 апреля 2023 г. в Ташкенте международная конференция на тему: «Суть и значение конституционной реформы: Новый Узбекистан — обновленная Конституция» с участием в том числе и представителей независимых СМИ.

3. *Глобальные сетевые СМИ — узбекская оппозиция и узбекская власть.* Как и в Таджикистане, глобальные сети Узбекистана оказались важным механизмом в контексте обсуждения законопроектов, предлагаемых властью. Однако в силу неконтролируемости при первом внесении изменений в конституцию страны в 2022 г. они сформировали протестное настроение у узбекского общества. Это произошло в июле 2022 г. на севере страны после вынесения на общественное обсуждение проекта новой редакции Конституции Узбекистана, в которой из описания статуса Республики Каракалпакстан было удалено слово «суверенная» и убрано упоминание о праве республики на отделение от Узбекистана.

Бурное обсуждение данного вопроса в глобальных сетевых СМИ стало одной из причин протеста народа в столице Каракалпакстана против решения власти. Так, в июле 2022 г. был задержан блогер и редактор газеты «На службе народа» Д. Тажимуратов за призывы граждан к организации незаконного митинга через социальные сети⁷. Кроме того, можно говорить о многочисленных аккаунтах в Facebook, Telegram и YouTube -канале, чьи подписчики критически были настроены против данного решения. Например, появившийся в июне 2022 г. Telegram-канал «Конституция Каракалпакстана» за день набрал более 100 000 подписчиков, который призывал общество к митингу.

⁶ Кожемякин, К. Всё во имя человека, для блага человека». (2023, 31 января). *UzMetronom.com*. Режим доступа <https://uzmetronom.agency/2023/01/31/vsjo-vo-imy-a-cheloveka-dlya-blaga-cheloveka.html>

⁷ Появились новые данные о задержанном в Нукусе Даулетмурате Тажимуратове. (2022, 6 сентября). *KUN.UZ*. Режим доступа: <https://kun.uz/ru/36376675>

К ним можно отнести и Telegram-канал «Серия пенальти», где участники курса главной причиной нестабильности в стране называли наличие искусственного контекста между властью и обществом⁸.

Подобное позиционирование социальных сетей и соответствующей им аудитории зачастую служат поводом для их обвинения в нарушении информационного баланса в стране. Однако очевидным остается и то, что созданное ими пространство для публичного оспаривания, хотя и является механизмом, зарождающим идеи для власти, но в то же время могут оказаться фактором дестабилизации ситуации в стране.

Публичная политика и модели политического урегулирования сетевых СМИ: от вертикального до горизонтального контроля

В условиях Таджикистана и Узбекистана публичное оспаривание зачастую приобретает искусственный характер, что приводит к децентрализации публичной политики (Ghuman, 2013) и появлению искусственных ее механизмов (Cheema, Rondinelli, 2007). Это во многом объясняется тем, что в современных политических режимах (включая авторитарные, смешанные и демократические) важным фактором становится обоснованность политики режима, чья устойчивость требует наличия механизмов информационного воздействия власти на общество и модели политического позиционирования СМИ. В этом контексте задача сетевых СМИ, помимо создания формата поведения участников публичного пространства, также заключается в легитимации публичной политики.

Определение механизмов реализации контроля подобного рода следует рассматривать с помощью как *вертикального*, так и *горизонтального* контроля (Салимов, 2022).

Вертикальный контроль предполагает наличие соответствующих идеологии власти законов, которые существенно ограничивают функционирование сетевых СМИ. В условиях Таджикистана стратегия реализации контроля над СМИ в основном разрабатывается институтами государственной власти. В законодательных документах, касающихся СМИ, не упоминаются названия органов цензуры и контроля над сетевыми СМИ, однако на практике деятельность СМИ контролируют Министерство культуры РТ, Министерство юстиции РТ и Налоговый комитет при Правительстве Республики Таджикистан. Это проявляется в процедуре регистрации и получения лицензий, периодической проверке документов, повышении налогов, закрытии СМИ в случае нарушения законодательства, защищающего информационную безопасность, государственную тайну. Законы в области СМИ в Таджикистане постоянно изменяются, что обусловлено ростом сетевой аудитории с учетом усиления роли СМИ, присутствующих в Интернете, и социальных сетей. Особое значение в этом направлении имеют законы РТ «О борьбе с терроризмом», «О противодействии экстремизму»⁹ и Уголовный кодекс РТ¹⁰.

⁸ Латипов, Ш. Трагедия в Каракалпакстане и проблемы коммуникации с обществом. (2022, 5 июля). *Газета.uz*. Режим доступа <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/05/questions/>

⁹ Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 2.01.2020 № 1655. Режим доступа <http://mmk.tj/content/қонуни-ҷумҳурии-тоҷикистон-дар-бори-муқовимат-ба-экстремизм>

¹⁰ Уголовный кодекс Республики Таджикистана от 21.05.1998 № 574. Режим доступа <http://mmk.tj/content/кодекси-ҷиноятӣ-ҷумҳурии-тоҷикистон>

Изменения, внесенные в них в последние годы, позволили значительно расширить сферу влияния государственных органов в контексте ограничения сферы влияния СМИ. Так, согласно Закону РТ «О борьбе с терроризмом»¹¹ на всей территории страны или в отдельных ее регионах может быть приостановлен доступ к электронным средствам связи. Содержание материалов террористического или экстремистского характера определяет группа экспертов Комитета по делам религии при Правительстве РТ. Аналогичный контроль над СМИ предусматривается в Законе РТ «О противодействии экстремизму», предоставляющем Службе связи при Правительстве РТ право контролировать сетевые СМИ, а в случае необходимости ограничивать доступ к ним.

Важным в усилении контроля над сетевыми СМИ стало изменение, внесенное в ст. 137 УК РТ, предусматривающее уголовную ответственность за публичное оскорбление или клевету в адрес лидера нации (с 2016 г. им является президент страны). Данная инициатива рассматривается как осознанный механизм реализации контроля над независимыми СМИ, поскольку критика руководства страны в государственных СМИ является маловероятной. Наглядное свидетельство тому — обвинение в адрес газеты «Взгляд» и информационного агентства «ТоjNews» в 2016 г. со стороны Министерства культуры РТ за оскорбление руководства страны и неуважение к национальным символам, в результате чего газета перестала функционировать.

Далее обратимся к Службе связи при Правительстве РТ. Ее главная функция заключается в разработке и реализации государственной политики в области связи, проведении государственного надзора, регулировании и осуществлении деятельности по оказанию услуг в этой сфере¹². Данный орган также управляет государственным оператором связи «Точиктелеком», являющимся единственным юридическим лицом, импортирующим интернет-трафик. Подобным статусом обладает Единый коммутационный центр (ЕКЦ), созданный при «Таджиктелеком», посредством которого аккумулируются международные услуги связи и Интернета всех операторов и провайдеров страны.

Аналогично Таджикистану правовые меры контроля в Узбекистане ориентированы на ограничение сетевых СМИ и сетевой аудитории. Ярким примером правового контроля в стране можно считать изменения, внесенные в Постановление «О мерах по повышению информационной безопасности в глобальной информационной сети Интернет», согласно которым СМИ теперь должны пройти регистрацию на Едином портале интерактивных государственных услуг РУ (ЕПИГУ). Это упрощает процесс регистрации СМИ, но в то же время позволяет ЕПИГУ не допустить в информационную сферу СМИ, чья идеология не соответствует идеологии действующего режима.

Рассмотрим Закон РУ «О персональных данных», позволяющий Узкомназорату блокировать доступ к веб-сайтам, которые не соответствуют данному акту. Закон требует от Узкомназората хранить персональные данные граждан на серверах, которые должны быть зарегистрированы в компании. Это касается как традици-

¹¹ Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» от 16.11.1999 № 845. Режим доступа <http://mmk.tj/content/дар-бораи-мубориза-бар-зидди-терроризм>

¹² Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Порядке государственного учета издательской деятельности, полиграфических предприятий и ведения Государственного единого реестра» от 25.02.2017 № 97. Режим доступа http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=128857

онных, так и сетевых СМИ. Аналогичное можно наблюдать и в УК РУ. Так, согласно ст. 158 УК РУ публичное оскорбление или клевета в отношении Президента республики наказывается исправительными работами до 3 лет или ограничением свободы от 2 до 5 лет либо лишением свободы до 5 лет.¹³

В 2021 г. парламент страны принял законопроект «О рекламе», который, по мнению экспертов, также содержит элементы, ограничивающие деятельность СМИ. Отмечается, что позиция журналистов не была учтена парламентом при принятии данного законопроекта¹⁴. Это наблюдается и в Законе РУ «О СМИ» (ст. 13)¹⁵.

Горизонтальный контроль над сетевыми СМИ проявляется в косвенном влиянии политического режима на производство информации, принимая во внимание факт участия в самоорганизации СМИ посредством формирования различных видов ассоциаций, определяющих их правила игры. В условиях *Таджикистана* механизмом реализации контроля по горизонтали являются те ассоциации, которые формально функционируют вне зоны влияния власти, однако в определенной степени подвергаются ее влиянию. Таковым можно считать Совет по СМИ Таджикистана. Его уставные цели представлены в качестве механизма обеспечения справедливости в случае нарушения журналистами этических норм и судебного преследования журналистов со стороны властных органов [Рустамзода, 2021]. Однако можно привести множество примеров, когда отдельные журналисты или СМИ становились объектом критики Совета по СМИ, а в случае судебных разбирательств Совет не оказывал им поддержку. Анализ публицистических материалов позволяет выделить два подхода в стратегии Совета СМИ в контексте управления современными таджикскими СМИ в целом. В рамках первого подхода Совет по СМИ выступает как институт саморегулирования, контролирующей СМИ и отдельных журналистов в плане строгого соблюдения норм журналистской этики. Эта работа ведется на основании рассмотрения жалоб государственных органов и читателей. Примером служит случай, когда Совет по СМИ предъявил обвинения независимой газете «СССР» за публикацию анекдота под рубрикой «Наша Раша». В заключении юридического консультанта Совета по СМИ утверждается, что, опубликовав подобные материалы, газета нарушает требования Закона РТ «О периодической печати и других средствах массовой информации», поскольку анекдоты, опубликованные в газете, не отвечают этическим нормам журналистской деятельности и могут способствовать совершению преступлений на национальной почве. В ответном обращении газета «СССР» пишет, что «Совет по СМИ осуждает газету, которая не является его членом», и считает его «удушением независимой журналистики». Автор задается вопросом: «положа руку на сердце, скажите: в чем разница между вами и советской цензурой — Главлит? Какова ваша цель: защита независимой журналистики или ее удушение?» (Рахимджонов, 2016). Следует подчеркнуть, что данное решение Совета по СМИ также подверглось критике со стороны ряда независимых СМИ.

¹³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Режим доступа <https://lex.uz/docs/111457>

¹⁴ Мы против законов, которые «убивают» и мешают развитию СМИ — Комил Алламжонов. (2021, 30 мая). *Xabar.uz*. Режим доступа: <https://uznews.uz/posts/3885>

¹⁵ Бахриев, К. Новый законопроект о СМИ в Узбекистане: плюсы и минусы для медиарынка. Режим доступа. (2020, 24 августа). «*Новый репортер*». Режим доступа: <https://newreporter.org/2020/08/24/noviy-zakonoproekt-o-smi-v-uzbekistane-plyusy-i-minusy-dlya-mediarynka/>

Иной подход демонстрирует относительно нейтральное позиционирование Совета по СМИ в случае поступления жалоб на СМИ или отдельных журналистов и исков к ним. В этом случае Совет выступает своего рода гарантией свободы СМИ, хотя данный фактор не всегда является определяющим в контексте их защиты от судебных преследований. Яркий пример — исковое заявление Союза писателей Таджикистана, Академии наук РТ, Союза художников Таджикистана, Союза композиторов Таджикистана, Союза архитекторов Таджикистана за оскорбление в публикации главного редактора газеты «Азия плюс» О. Тутубалина «Неинтеллигентно об интеллигенции»¹⁶. Экспертная комиссия Совета по СМИ выступила с заявлением о том, что в данной публикации не наблюдается нарушения норм журналистской этики. Тем не менее данное заявление не изменило судебное решение: оно закончилось для газеты штрафом в пользу истцов.

В Узбекистане, как показывает анализ, функцию контроля по горизонтали выполняет Союз журналистов Узбекистана. Так, в стране впервые по его инициативе в 2019 г. был принят Кодекс профессиональной этики журналистов Узбекистана. Также было решено, что дела (жалобы) о нарушениях принципов и норм журналистской этики должны рассматриваться Советом по вопросам профессиональной этики журналистов Узбекистана. Совет по контролю за соблюдением журналистами профессиональной этики может принять решение о публикации в средствах массовой информации сообщения о рассмотренной жалобе, а также, «мягкие» формы ответственности — профессиональное порицание или осуждение.

В условиях Узбекистана можно наблюдать множество примеров, когда позиционирование Союза журналистов Узбекистана и подобного рода институтов не соответствовало ожиданиям журналистского сообщества. Ярким примером служит задержание администратора telegram-канала «Патанатомия страны Уз.» Ш. Саломовой, в рамках уголовного дела по ч. 2 ст. 139 («Клевета») и ч. 2 ст. 140 («Оскорбление») УК РУ. Она была арестована после размещения видео с обвинениями руководства страны в коррупции и nepотизме. В то же время данная история оказалась вне поле зрения Союза.

Аналогичная ситуация сложилась в начале 2023 г., когда группа журналистов обращалась к Президенту Ш. Мирзиёеву с просьбой «оказать историческую помощь в обеспечении подлинной независимости прессы в Узбекистане». В заявлении отмечалось: «Нас, журналистов и представителей общественности, также беспокоит скрытая, но жесткая цензура, которая все еще существует. Редакторы, журналисты, блогеры, люди, высказывающие какое-либо мнение в обществе, по-прежнему сталкиваются с серьезными препятствиями, давлением и запугиванием»¹⁷.

В то же время Союз журналистов Узбекистана выступил с заявлением о том, что подобное позиционирование приобретает личный и искусственный характер. Так, в марте 2023 г. Интернет-издание «Газета.uz» опубликовало заявление Союза журналистов Узбекистана, в котором СМИ и блогеров обвиняют в злоупотреблении свободой слова, в использовании «священной трибуны прессы в корыстных, фальшивых или иных злонамеренных целях». В заявлении отме-

¹⁶ Неинтеллигентно об интеллигенции (2013, 30 мая). *ИА Азия-плюс*. Режим доступа <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20130530/neintelligentno-ob-intelligentsii>.

¹⁷ Союз журналистов заявил, что не наблюдал давления на редакции и блогеров. (2023, 7 март). *Anhor.uz*. Режим доступа <https://anhor.uz/news/journalists-union/>

чается, что «сегодня в стране политика открытости, свободы слова и печати является приоритетной. За последнее время мы не наблюдали давления на редакции и независимых журналистов, блогеров, случаев, когда от них требовали изменить содержание какой-либо информации или не публиковать её... Никто, ни одна государственная организация не говорит представителям СМИ: не пиши это, пиши то. Наши журналисты и блогеры смело поднимают актуальные вопросы»¹⁸.

Подобное позиционирование журналистских ассоциаций свидетельствует не только о контроле по горизонтали, но и о своего рода механизме, зарождающем идеи для власти, чаще всего во вред плюрализму мнений в стране. Согласно мнению С. Гелбаха и К. Сонины, контроль подобного рода над СМИ «установлен таким образом, что не закрепленные в законе нормы и правила игры определяют их поведение и функционирование в контексте их применения для легитимации действий власти при игнорировании интереса адресатов» (Gehlbach, Sonin; 2014). По утверждению Е. Криса, подобный контроль значительно увеличивает шансы власти на выживание (Chris, 2013).

Заключение

Публичная политика в условиях среднеазиатских стран становится более непредсказуемой в связи возрастающим влиянием на нее сетевых СМИ, характеризующихся неконтролируемостью. Как в Таджикистане, так и в Узбекистане наиболее динамично развивается сетевая политическая коммуникация, которая в определенной степени привела к изменению стиля политической журналистики и формированию принципиально новых форм влияния на субъекты политического процесса.

Власти этих стран предлагают модель взаимоотношения с сетевыми СМИ, способствующую появлению публичного пространства при сохранении прямого (вертикального) и косвенного (горизонтального) контроля над ним. С одной стороны, это демонстрирует открытое партнёрство / взаимодействие власти с сетевыми СМИ, определяющим элементом которого является публичный дискурс. Здесь речь идет об идеологическом взаимодействии сетевых СМИ с государством в контексте их совместного участия в политическом управлении. Сетевые СМИ выступают механизмом, зарождающим идеи, подталкивающие власть к определенному действию.

С другой стороны, сетевые СМИ выступают механизмом легитимации действий властей и фактором стабильности персоналистских политических режимов. Данное обстоятельство является концептуальным основанием для рассмотрения сетевых СМИ в условиях Таджикистана и Узбекистана не как меняющегося фактора направления управленческого процесса, а как механизма легитимации действий власти и инструмента манипулирования общественным мнением.

В целом процесс легитимации действий власти и необходимость сохранения общественного легитимного порядка превращает сетевые СМИ в неизменный механизм реализации публичной политики. Это проявляется в их взаимодей-

¹⁸ Сорочин, С. «Никто не говорит СМИ: не пиши это, пиши то». Союз журналистов - об обращении по поводу цензуры. (2023, 6 март). «Газета.uz». Режим доступа <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/06/journalists/>

ствии / партнерстве в контексте решения существующих вопросов с учетом их публичного обсуждения. Исходя из этого, взаимодействие сетевых СМИ и государства следует воспринимать как идеологическое объединение, основанное на публичном дискурсе определенно значимых для общества вопросов в целях нахождения пути их решений, ориентированных на стабилизацию общественно-политической жизни и сохранение их целостности.

Библиографический список

- Володенков, С. Л. (2015). *Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
- Луман, Н. (2006). *Дифференциация*. Москва: Логос.
- Муким, Дж. (2006). *Политика и информационная война*. Душанбе: Деваштич.
- Мукимов, М. (2016). Мультимедийная журналистика в Таджикистане. *Вестник Таджикского национального университета*, 4(195), 262–269.
- Мукимов, М. А. (2017). *Информационная война и защита безопасности медийного пространства. Методические советы о борьбе против информационной атаки*. Душанбе: Сино.
- Мукимов, М. А. (2019). Новые медиа и пропаганда. *Вестник Таджикского национального университета*, 1, 291–297.
- Рахимджонов, Х. У. (2016). *Этические нормы как механизм саморегулирования в журналистских сообществах Таджикистана*. Душанбе: Таджикский национальный университет.
- Рустамзода, Д. А. (2021). *Профессионально-этические проблемы радиожурналистики в условиях глобализации*. Душанбе: Ирфон.
- Салимов, Д. М. (2022). *Средства массовой информации в политическом процессе современного Таджикистана: функциональные особенности*. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Салимов, Д. М. (2023). *СМИ и политика: Таджикистан в поисках согласия*. СПб: СПбГЭУ.
- Сивякова, Е. В. (2009). *Общероссийские СМИ как институт публичной политики: условия и технологии производства публичности*. Москва: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
- Соловьев, А. И. (2021). «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 5, 61–80.
- Хасанов, Б. М. (2017). Интернет-СМИ в Узбекистане и их влияние на развитие гражданского общества. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 2, 119–128.
- Cheema, G. S., & Rondinelli, D. A. (2007). *From Government Decentralization to Decentralized Governance. Decentralizing governance: Emerging concepts and practices*. Washington: Brookings Institution Press.
- Chris, E. (2013). Information Manipulation, Coordination and Regime Change. *Review of Economic Studies*, 80, 1422–1458.
- Driscoll, J. (2012). Commitment Problems or Bidding Wars? Rebel Fragmentation as PeaceBuilding. *Journal of Conflict Resolution*, 1, 118–149. DOI: 10.1177/0022002711429696
- Dumitrescu, D., Mughla, A. (2010). *Mass Media and Democratic Politics. Handbook of Politics. Handbooks of Sociology and Social Research*. N.Y.: Springer.
- Gehlbach, S., Sonin, K. (2014). Government control of the media. *Journal of Public Economics*, 118, 163–171.

- Ghuman, B.S. (2013). Ranjeet Singh Decentralization and Delivery of Public Services in Asia. *Policy and Society*, 32, 7–21. DOI: 10.1016/j.polsoc.2013.02.001
- Green, J., Kingzette, J., Neblo, M. (2016). *Deliberative Democracy and Political Decision Making*. Oxford Research Encyclopedia of Politics. UK: Oxford University Press.
- Jansen, S. C. (1988). *Censorship: The Knot that Binds Power and Knowledge*. UK: Oxford University Press.
- Kooiman, J. (1993). Findings, Speculations and Recommendations. *Modern Governance*, London Sage, 3, 249–262.
- Merrett, C. (2007). State Censorship and the Academic Process in South Africa. Illinois: The University of Illinois
- Osman, W. (2019). Between the White House and the Kremlin: A Comparative Analysis of Afghan and Tajik Media. *International Journal of Communication*, 13, 619–641. DOI: 1932-8036/2019FEA0002
- Rungsrissawat, S., Chankoson, T. (2020). Engagement with Online Media. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 9, 1379–1391.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023

Статья принята к публикации 25.03.2023

Для цитирования: Салимов Д. М. Публичная политика и сетевые СМИ в среднеазиатских странах: от взаимодействия до государственного контроля. — Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 2. С. 78–94.

PUBLIC POLICY AND ONLINE MEDIA IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES: FROM INTERACTION TO STATE CONTROL

D. M. Salimov

Salimov Dilovar Mirzomuddinovich, Saint-Petersburg State University. 1st line V.O., 26, Saint-Petersburg, 199004, Russia.

E-mail: dilov.salim@mail.ru ORCID 0000-0002-6697-0902

Abstract. The article examines the role of online media in legitimizing public policy in Tajikistan and Uzbekistan. The communication aspects of public policy function as a system for adjusting the political climate to the social environment and are a crucial prerequisite for executing contemporary management processes. The paper analyzes the formation process of network media and communities, as well as their impact on political management in these countries. Several politically significant documents are analyzed and their legitimation through public discourse in online media is presented. This study reveals the practices of regulating information flows in online media, including both legal and non-legal methods of horizontal and vertical control implemented in these countries. The study is based on the scientific notion that in Central Asian states, regime policy validity becomes crucial, with stability indicated by the presence of authority mechanisms for information influence on public policy subjects and models of online media political positioning. In Uzbekistan and Tajikistan, this process is accompanied by the development of the idea of ideological unification of power and online media. This idea is based on public discussion of important societal issues, aimed at finding solutions that can help stabilize the social and political situation in both countries. This also takes into account the fact that online media in Tajikistan and Uzbekistan operate on the basis of these countries' legislation, which increases the potential for their inclusion in the sphere of influence of the censorship and control system. This fact indicates that the Tajik and Uzbek authorities provide a model for online media relations that can support the emergence of a public space while upholding both direct (vertical) and indirect (horizontal) control. This model contributes to the formation of an information space where all rules are dictated by current regimes.

Keywords: network media, horizontal control, vertical control, public policy, network society, public administration, political regime, political censorship, information security.

DOI 10.31429/26190567-24-2-78-94

References

- Cheema, G. S., & Rondinelli, D. A. (2007). *From Government Decentralization to Decentralized Governance. Decentralizing governance: Emerging concepts and practices*. Washington: Brookings Institution Press.
- Chris, E. (2013). Information Manipulation, Coordination and Regime Change. *Review of Economic Studies*, 80, 1422–1458.
- Driscoll, J. (2012). Commitment Problems or Bidding Wars? Rebel Fragmentation as PeaceBuilding. *Journal of Conflict Resolution*, 1, 118–149. DOI: 10.1177/0022002711429696
- Dumitrescu, D., Mugha, A. (2010). *Mass Media and Democratic Politics. Handbook of Politics. Handbooks of Sociology and Social Research*. N.Y.: Springer.
- Gehlbach, S., Sonin, K. (2014). Government control of the media. *Journal of Public Economics*, 118, 163–171.
- Ghuman, B.S. (2013). Ranjeet Singh Decentralization and Delivery of Public Services in Asia. *Policy and Society*, 32, 7–21. DOI: 10.1016/j.polsoc.2013.02.001
- Green, J., Kingzette, J., Neblo, M. (2016). *Deliberative Democracy and Political Decision Making. Oxford Research Encyclopedia of Politics*. UK: Oxford University Press.
- Hasanov, B. M. (2017). Internet-SMI v Uzbekistane i ikh vliyaniye na razvitiye grazhdanskogo obshchestva [Internet Media in Uzbekistan and Their Impact on the Development of Civil Society]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: People, Society, Cultures, Meanings], 2, 119–128.
- Jansen, S. C. (1988). *Censorship: The Knot that Binds Power and Knowledge*. UK: Oxford University Press.
- Kooiman, J. (1993). Findings, Speculations and Recommendations. *Modern Governance, London Sage*, 3, 249–262.
- Luman, N. (2006). *Differentsiatsiya* [Differentiation]. Moskva: Logos.
- Merrett, C. (2007). *State Censorship and the Academic Process in South Africa*. Illinois: The University of Illinois
- Mukim, Dzh. (2006). *Politika i informatsionnaya voyna* [Politics and Information Warfare]. Dushanbe: Devashtich.
- Mukimov, M. (2016). Mul'timediynaya zhurnalistika v Tadjikistane [Multimedia journalism in Tajikistan]. *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta* [Bulletin of the Tajik National University], 4(195), 262–269.
- Mukimov, M. A. (2017). *Informatsionnaya voyna i zashchita bezopasnosti mediynogo prostranstva* [Information Warfare and Protecting the Security of the Media Space]. Dushanbe: Sino.
- Mukimov, M. A. (2019). Novyye media i propaganda [New Media and Propaganda]. *Vestnik Tadjikskogo natsional'nogo universiteta* [Bulletin of the Tajik National University], 1, 291–297.
- Osman, W. (2019). Between the White House and the Kremlin: A Comparative Analysis of Afghan and Tajik Media. *International Journal of Communication*, 13, 619–641. DOI: 1932-8036/2019FEA0002
- Rakhimdzhonov, Kh. U. (2016). *Eticheskiye normy kak mekhanizm samoregulirovaniya v zhurnalisticheskikh soobshchestvakh Tadjikistana* [Ethical Norms as a Mechanism of Self-regulation in the Journalistic Communities of Tajikistan]. Dushanbe: Tadjikskiy natsional'nyy universitet.
- Rungsisawat, S., Chankoson, T. (2020). Engagement with Online Media. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 9, 1379–1391.
- Rustamzoda, D. A. (2021). *Professional'no-eticheskiye problemy radiozhurnalistiki v usloviyakh globalizatsii* [Professional and Ethical Problems of Radio Journalism in The Context of Globalization]. Dushanbe: Irfon.
- Salimov, D. M. (2023). *SMI i politika: Tadjikistan v poiskakh soglasiya* [Media and Politics: Tajikistan in Search of Consent]. SPb: SPbGEU.
- Salimov, D. M. (2022). *Sredstva massovoy informatsii v politicheskom protsesse sovremennogo Tadjikistana: funktsional'nyye osobennosti* [Mass Media in the Political Process of Modern Tajikistan: Functional Features]. SPb: Sankt-peterburgskiy gosudarstvennyy universitet.

- Sivyakova, Ye. V. (2009). *Obshcherossiyskiye SMI kak institut publichnoy politiki: usloviya i tekhnologii proizvodstva publichnosti* [All-Russian Media as an Institution of Public Policy: Conditions and Technologies for the Production of Publicity]. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova.
- Solov'yev. A. I. (2021). "Dokazatel'naya politika" i "politika dokazatel'stv": dilemma postsovetskikh obshchestv ["Evidence politics" and "Evidence Politics": The Dilemma of Post-Soviet Societies]. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 5, 61–80.
- Volodenkov, S. L. (2015). *Tekhnologii internet-kommunikatsii v sisteme sovremennogo politicheskogo upravleniya* [Internet Communication Technologies in the System of Modern Political Management]. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M. V. Lomonosova.

Received 12.02.2023

Accepted 25.03.2023

For citation: Salimov D. M. Public Policy and Online Media in Central Asian Countries: From Interaction to State Control. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2023. Vol. 24. No. 2. Pp. 78–94.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).